

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г39

Серийное оформление – *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке – *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Герр, Ольга.

Г39 Жмурки с любовью : [роман] / Ольга Герр. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 320 с. – (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета).

ISBN 978-5-17-120231-6

Спасаясь от пожизненного заключения, Линелла вынуждена пойти на сделку – свобода в обмен на замужество. Теперь она жена главы преступного магического мира – таинственного мистера Никто. Но вот беда: она понятия не имеет, как выглядит ее муж. Во время свадебного обряда ей завязывают глаза, а первая брачная ночь проходит в полной темноте. Как будто этого мало, ей угрожает маг-полиция, требуя сдать мужа. Но как найти человека, о котором наверняка известно лишь одно – у его поцелуя мятный привкус? Целовать всех подозреваемых?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120231-6

© О. Герр, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Судьба любви – играть ей в жмурки.
А.С. Грибоедов. Горе от ума

.... ГЛАВА 1 ....
Маскарад

Не стоило ходить на бал-маскарад. Шестое чувство не просто предупреждало, оно кричало: сиди дома! Но мачеха настаивала, а я не придумала достойных возражений.

– Ты превращаешься в затворницу, Линелла, – выговаривала она. – Твой отец уже более года как покинул нас. Все мыслимые сроки траура прошли. Пора возвращаться к жизни.

Сама Антония «вернулась к жизни» через месяц после похорон. Я ее за это не виню. Мачеха всего на пару лет старше меня физически и лет на пять младше умственно. Глупо требовать от нее серьезной душевной привязанности, она, как бабочка, летает от цветка к цветку. Поэтому после смерти отца от сердечного приступа именно я взвалила на себя обязанности главы семьи. Хотя официально Антония считалась моим опекуном до тех пор, пока мне не исполнится двадцать один год.

Под руководством Антонии меня нарядили и причесали для маскарада. Платье глубокого синего цвета с тугим кожаным корсетом и пышной юбкой дополняла расшитая кружевами маска. Она скрывала лицо, но узнать меня все равно не составляло труда: волнистые, оттенка молочного шоколада волосы выдавали Линеллу, девятнадцатилетнюю дочь пэра Мар-

блека и единственную наследницу всего его состояния, с головой.

— Настоящая красавица, — похвалила мачеха. — Отбоя от женихов не будет.

— Не начинай, пожалуйста, — поморщилась я. — Замуж не пойду, и точка.

— Как будто у тебя есть выбор. Для управления заводом твоего отца необходима мужская рука. Муж раз и навсегда прогонит стервятников, которые охотятся за нашими деньгами. Я могу взвалить на себя это бремя и выйти замуж повторно, но наследница ты, — вздохнула она.

Ага, как же, бремя. Знала я отношение Антонии к браку. Для нее это способ утвердиться в жизни. До замужества с отцом она была актрисой провинциального театра. Стоит признать, весьма хорошенькой, с зачатками таланта.

Отец впервые со смерти матери кем-то заинтересовался, и хотя я видела, что собой представляет Антония, не противилась их браку. Отец был тяжело болен, и если Антония скрасила последние годы его жизни (а так и было), то я этому рада.

Благодаря легкому характеру мачехи мы нашли общий язык и даже подружились. После смерти папы у меня никого не осталось, кроме нее.

— Ты должна понимать, что от тебя не отстанут, — гнула свое Антония. — Ты слишком лакомый кусочек, за тебя некому заступиться. Рано или поздно придется сделать выбор: или брак, или продажа завода.

— Пусть будет поздно, — сказала, надевая длинные перчатки.

— Не затягивай. Не то выбор сделают за тебя.

Я с удивлением посмотрела на Антонию. Вообще-то глубокие мысли ей несвойственны. Но в том,

что касалось брака и денег, она разбиралась как никто другой. И мне, признаться, стало не по себе.

Мачеха проводила меня до экипажа. Тот уже урчал, выпуская в воздух струи пара. Где прежде запрягали лошадей, располагался руль, за которым сидел водитель. Я забралась внутрь, махнув на прощание Антонии.

— Хотя бы подумай над моими словами, — крикнула она вслед.

— Обещаю, — отозвалась я, но забыла о разговоре, едва экипаж выехал за пределы имения.

Окна мэрии, где проходил ежегодный бал-маскарад, заливали огни. Здание буквально светилось изнутри. Гости стекались к мэрии из богатых районов города. Яркие наряды, экзотические маски, запах духов, сбивающий с ног, — я погрузилась в атмосферу праздника, едва ступив из экипажа на землю.

Пара лестничных пролетов, и я в мэрии. Музыка ударила по ушам. Играл приглашенный из столицы оркестр. Ганна — второй по величине город в Аргонской империи, но все же до столицы нам далеко. Провинциальный дух отразился в кричащем убранстве залов — мишура, разноцветные огоньки, даже воздушные шары, словно это детский праздник. Но вместе с тем было по-домашнему уютно, все друг с другом знакомы и легко узнают даже под масками. За этот камерный, семейный дух я и люблю провинцию и никогда не променяю ее на столицу.

Жаль, Магнус не пошел, было бы не так одиноко. Но мой лучший друг корпел над учебниками, готовясь к экзамену. Еще немного, и он станет выпускником академии магоборства. Правда, он пока не определился со специализацией, но твердо намерен посвятить себя борьбе с магами.

От мыслей о магах меня отвлекли братья Конт, Лексий и Торн. Оба — высокие красавцы с мерзкими характерами. Не знаю, какой из братьев хуже: старший, Лексий, который в прошлом году обрюхатил служанку и отказался признавать ребенка, или младший, Торн, который во всем стремится подражать Лексию.

Так уж вышло, что последние полгода братья нацелились на меня. Подозреваю, не без наказа родителей. Тот, кто женится на мне, станет самым богатым мужчиной Ганны. Братья даже поспорили, кому из них я достанусь. Сколько бы ни отказывала обоим, они продолжают упорствовать. На двоих они делали мне предложение раз этак одиннадцать.

— Линелла, ты сегодня великолепна, — по праву старшинства первым заговорил Лексий. — Впрочем, как всегда.

— Ты мне льстишь, — холодно улыбнулась я.

Улизнуть не получилось — братья с двух сторон схватили меня под руки. Ну, просто брачный конвой.

— Потанцуешь со мной? — спросил Лексий.

— Нет.

— А со мной? — тут же включился в игру Торн.

— Я не танцую.

— Что так? — Их лица разочарованно вытянулись.

— Ногу подвернула. — Я сделала вид, что прихрамываю.

— Ах, какая жалость, — покачал головой Лексий. — Но ничего, есть масса других развлечений. Скоро будет фейерверк. Посмотрим на него вместе.

А он упорный. Не удивлюсь, если у каждого из братьев припасено по кольцу и сегодня состоится двенадцатый раунд игры под названием «Предложение руки и сердца». После смерти папы я столько их

получала, что этот романтический момент для меня навсегда растерял возвышенный флер, превратившись в рутину. В моем случае это всего лишь выгодная сделка. Многочисленные женихи не забывали об этом напоминать.

Вместо сокровенного «люблю» они говорили о своем состоянии, титулах и о том, как много мы обретем, если сольем вместе — нет, не наши сердца и судьбы, а годовой доход. Вот такая романтика.

Я судорожно искала предлог, как отделаться от братьев, желательно так, чтобы не напороться на других претендентов, когда увидела мэра. Узнать его не составило труда. Невысокий упитанный человек в маске льва — естественно, мэр выбрал царственное животное — устремился к нам с несвойственной для его комплекции скоростью.

Братья попытались скрыться вместе со мной, но не тут-то было. Мэр задыхался и покрывался красными пятнами, но темпа не сбавлял. Пришлось остановиться, дожидаясь его, не то, чего доброго, его хватит удар, а нас обвинят в том, что мы лишили Ганну руководителя.

Приблизившись, мэр глянул на братьев, и их как ветром сдуло. Ничего не скажешь, защитники.

— Линелла, душечка, добрый вечер, — задыхаясь, произнес мэр. На его лбу выступила испарина, и он промокнул ее платком. — Какое счастье, что ты все-таки пришла. Я так тебя ждал. Ты же не откажешь в танце дядюшке Тодду?

Я представила, как мы будем выглядеть: мэр ростом мне по плечо, его круглый живот не позволит подойти ближе чем на расстояние вытянутых рук. Вот это будет танец! Скоморохи не понадобятся, мы развлечем гостей за них.

— Я сегодня не танцую, — повторила озвученную ранее легенду. — Подвернула ногу.

— Жаль, очень жаль. Нынче у нас играют лучшие музыканты империи.

Я слушала о достоинствах оркестра, пока терпение не иссякло.

— Давайте говорить откровенно, — начала я, но мэр перебил:

— Я всегда за откровенный разговор. Сам хотел его предложить. Твой батюшка был моим сердечным другом. — Это, конечно, наглая ложь, но я промолчала. — И я надеюсь на твое благоразумие, Линелла. Мы можем объединиться. Даже не так, мы должны объединиться. Где это видано, чтобы девушка, тем более столь юная и хрупкая, как ты, управляла заводом. Зачем тебе эта морока? Ты нуждаешься в крепком плече, на которое сможешь опереться. И я готов тебе его подставить.

Сказав это, мэр приобнял меня за талию. От неожиданности я вздрогнула.

— Как это — объединиться? — поинтересовалась, скидывая его руку с себя. Мэр женат, так что о браке речи не идет. Мне стало любопытно, что он имеет в виду.

— Естественно, как партнеры. Если ты перепишешь на меня пятьдесят процентов акций завода, я смогу всегда быть рядом и во всем тебе помогать. От этого все только выиграют.

Окаянная магия, да он предлагает подарить ему завод! Вот так запросто отдать детище отца. Он считает меня полной дурой?

Я закатила глаза, из последних сил сдерживая стон. Мэр счел мою мимику добрым знаком. Видимо, решил, что от избытка благодарности я растеряла слова. Кое-какие у меня все же остались, но

приличной леди не пристало произносить их вслух в обществе.

Мэр схватил меня за руку и сжал ее в своей потной ладони. Меня передернуло от отвращения.

— Многие зарятся на твое состояние, душечка. Поверь, я — лучший вариант. Иные просто отберут у тебя все и выбросят вас с мачехой на улицу. Линелла, дорогая, могу ли я рассчитывать на твое благоразумие?

«Только через мой труп!» — хотелось выкрикнуть. Однозначно нет. Но воспитание заставляло держать лицо, и я облекла отказ в вежливую форму.

— Я пока не готова к подобным разговорам. — Я выдернула ладонь из руки мэра. — Смерть отца так потрясла меня, я до сих пор не пришла в себя.

— Но прошел уже целый год, — возмутился мэр. — Пора жить дальше.

Они с Антонией сговорились, что ли? Произносят прямо одно и то же. Конечно, прикрываться смертью папы, чтобы избежать важных решений, низко. Но я действительно ужасно по нему тоскую.

Мэр наступал на меня, я пятилась, бормоча что-то невразумительное. И откуда в нем такая назойливость? Добрый дядюшка Тодд походил на бульдога — если уж вцепится в добычу, не разожмет челюсти. Вот до чего жажда наживы довела человека.

Завод отца — самое успешное предприятие в городе, да что там в городе — во всей империи. Он первым наладил производство экипажей на паровой тяге. Тогда папу называли безумцем, пророчили разорение, но прошли годы — и вот уже вся империя ездит на его экипажах. Отец неприлично разбогател.

— Подумай, каково жить в нашем мире без мужской поддержки? — уговаривал мэр. — Жизнь крайне опасная штука.

Последнее прозвучало как угроза. Испугаться не успела: как раз в этот момент мое отступление закончилось тем, что я наткнулась на что-то спиной. Споткнувшись, полетела назад, но не упала — меня подхватили сильные руки. Неожиданно для себя я угодила в мужские объятия.

— Ваш друг дело говорит, — прошептал мне на ухо приятный, но незнакомый баритон. — Жизнь — опасная штука, особенно если не смотреть, куда идешь.

Я дернулась, пытаясь высвободиться, но мужчина лишь сильнее прижал меня к себе. Я могла барахтаться сколько угодно, он бы легко со мной справился. Чужое дыхание щекотало шею, меня окутал аромат мужского одеколona — с нотками кардамона и цитрусовых.

— Отпустите девушку, — насупился мэр. — Она в состоянии стоять на ногах самостоятельно.

— Это правда? Вы в состоянии? — спросил насмешливый голос.

Я угодила между двух огней. Незнакомец раздражал своей наглостью и уверенностью, но мэр был в сто крат хуже. Кого предпочесть?

— Я сама позабочусь о себе, — заявила мэру, удобнее устраиваясь в объятиях незнакомца.

— Но... — поднял он вверх указательный палец.

— Девушка сделала выбор, — произнес мой спаситель. — Умейте достойно проигрывать.

— Мы еще вернемся к нашему разговору, Линелла, — проворчал мэр, уходя.

Едва он скрылся в толпе, я сказала:

— Немедленно отпустите меня! Это, в конце концов, неприлично.

— Как пожелаете, Линелла. — Он запомнил мое имя.

Объятия ослабли, и я, отскочив от мужчины, развернулась на сто восемьдесят градусов. Благодаря этому почти акробатическому приему смогла наконец его рассмотреть. Он был высок, широк в плечах, костюм по последней моде с аккуратно повязанным шейным платком — вылитый столичный денди.

Лицо незнакомца скрывала необычная маска из черненого серебра. Никогда подобных не встречала. Линии и завитки на маске переплетались между собой, создавая единый узор. И хотя открытыми были щеки, волевой подбородок и жесткие губы, мне не удалось опознать, с кем имею дело, а ведь я лично знаю всю верхушку общества Ганны. Возраст и тот не определить, но если судить по голосу — лет тридцать, не меньше.

Картину портило пятно от вина на лацкане пиджака. Только теперь я заметила на полу разбитый бокал. Видимо, мужчина выронил его, когда я его толкнула, обрызгав костюм.

Он достал носовой платок и, поморщившись, потер лацкан. Пятно осталось на месте.

— Вы испортили мне пиджак. И за это должны мне танец. — Он протянул руку. Это было не предложение, а требование, что, естественно, меня возмутило. — Из-за вас я упустил кое-кого.

Я проследила за его взглядом. Синди! Моя заклятая подруга. Мы учились на одном курсе в институте благородных девиц, и особой любви между нами не было. Если незнакомец ухаживал за ней, когда я на него свалилась, он должен сказать мне спасибо за спасение из лап этого чудовища.

— Вы не много потеряли, уж поверьте, — произнесла я.

— Позвольте мне самому решать, — возразил он. — Я все еще жду заслуженную награду.

— Я не танцую, ногу подвернула, — вспомнила я легенду. — Благодарю за спасение и прощайте.

— Уже уходите? Я надеялся, мы продолжим знакомство.

— Вынуждена вас разочаровать — знакомства не будет.

Я подобрала юбку и поторопилась прочь. Не знаю, что на меня нашло, но отчаянно хотелось оказаться подальше от незнакомца. От него распространялись вибрации животной опасности. Так, наверное, ощущает себя утка, когда охотник направляет на нее ружье. Она не видит ствол, не понимает, откуда исходит угроза, но чувствует, что ей конец.

Движимая этим странным чувством, я пробиралась сквозь толпу. Впереди снова замаячила фигура мэра. Заметив меня, он махнул рукой, решив, что я спешу к нему. Нет уж. Я резко сменила направление, бегом бросившись в сад.

Стеклянные двери, ведущие на задний двор, были распахнуты настежь, я вылетела на улицу и, не притормаживая, бросилась вниз по лестнице, за что и поплатилась. Нога поскользнулась на мраморных ступенях, и я упала. Ударилась не больно, в последний момент сгруппировавшись. Но вот лодыжка пострадала. Теперь не придется врать, отказываясь от танцев. Я действительно подвернула ногу.

— Для той, у кого вывих, вы поразительно быстро бегаєте, — раздалось позади.

Мне ни к чему было смотреть за спину, я знала, кто это — тот самый незнакомец.

— Вы меня преследуете? — Я уселась на ступени. Идти не могла: лодыжка горела от боли.

— Всего лишь хотел убедиться, что вы в порядке. Похоже, я волновался не зря. Вы прямо ходячее невезение.

Мужчина присел передо мной.

— Позвольте? — Он потянулся к поврежденной ноге.

— Нет! — возмутилась я.

— Ну же, не капризничайте. Я просто хочу помочь.

Прежде чем я успела возразить, он схватил мою ногу и стянул с нее туфлю. Пальцы у мужчины были горячие и сильные. Он с деловым видом ощупывал лодыжку в поисках повреждений, пока я сторала от стыда — никогда еще мужчина так ко мне не прикасался.

— Снимите маску. Так вам будет сподручнее, — произнесла я.

— Хотите увидеть мое лицо? — усмехнулся он.

— Но вы же мое видите. — Я избавилась от маски сразу после падения.

— И оно мне нравится. Но я вынужден отказать.

— Почему? — удивилась я.

— Женщины любят загадки, — подмигнул он мне.

Жест получился таким игривым, что у меня перехватило дыхание. Наглец! Я раздумывала, как его отбрить, когда он поставил диагноз:

— Ерунда. Небольшой вывих. Сейчас вправим. Сожмите зубы, чтобы не прикусить язык.

Я сделала, как велели, и он дернул лодыжку. Острая боль прострелила ногу от пятки до бедра, но она быстро прошла, оставив после себя легкое жжение. Я пошевелила пальцами ноги — не больно.

— Вот и все. Дома приложите к лодыжке лед. — Мужчина надел мне туфлю. — И будьте впредь осторожнее.

Он поднял голову, наконец взглянув мне в глаза, и на меня снова накатило это чувство — будто я тону, отчаянно бью руками по воде в попытке спастись, но